

ЭФФЕКТ ПУСТОТЫ
КОЛОНИЯ ЛЖИ
ЧАСТИЦА ТЬМЫ

ТЕРИ ТЕРРИ

ЧАСТИЦА
ТЬМЫ

Freedom
Москва
2019

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44
Т35

Teri Terry
EVOLUTION

Text copyright © Teri Terry, 2018
Cover design © Coppenrath Verlag GmbH & Co. KG, Germany —
Anne Sent, using a motive by Jonas Hafner
First published in the English language by the Hachette UK.

Терри, Тери.

Т35 Частича тъмы / Тери Терри ; [пер. с англ. С. Самуйлова]. — Москва : Эксмо, 2019. — 576 с. — (Young Adult. Антиутопия. Тёмная материя).

ISBN 978-5-04-100998-4

Шей удалось обнаружить причину смертельной эпидемии. Но сможет ли она остановить виновника трагедии, пока тот не уничтожил весь мир?

Кай уверен в предательстве подруги и не может доверять своему сердцу.

Келли потеряла память и не знает даже собственного имени. Сумеет ли она объяснить, что с ней случилось?

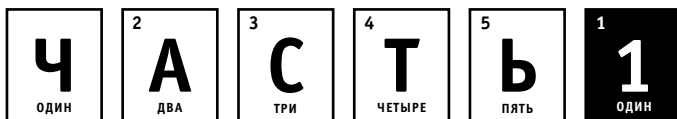
Эпидемия не отступает ни на шаг: вирус продолжает забирать жизни невинных людей. Примкнув к тайной научной общине, расположенной вдали от цивилизации, Шей должна попытаться найти лекарство, чтобы остановить распространение болезни. Сумеет ли она закончить свои исследования до того, как станет слишком поздно? Ведь на кону судьба всего мира.

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

© Самуйлов С., перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление.
ISBN 978-5-04-100998-4 ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Каждую из семи ступеней эволюции
можно исследовать, исходя из предыдущей,
если шагнуть назад во времени...

Ксандер. *Манифест Мультиверсума*

МИКРОЭВОЛЮЦИЯ

Случайные изменения, дающие преимущества в выживании, навсегда сохраняются в пределах одного вида: самая приспособленная особь выживает и передает свои черты потомкам. Но что, если эти изменения не случайны? Именно в такой момент человечество по-настоящему эволюционирует.

Ксандер. Манифест Мультиверсума

ЛАРА

Ноги приводят меня к самому краю света. Здесь — предел, дальше нет ничего, если смотреть прямо — лес, тропинка и даже небо над ними исчезают, теряются в белом тумане. Если я обращаю взгляд далеко в сторону, то почти вижу призрачные очертания деревьев и холмов, растянувшихся ниже того места, где я стою. Так что, возможно, мир здесь не заканчивается, а продолжается, и в каких-то тайных глубинах своего сознания я понимаю, что так и должно быть. Но для моего мира это край.

Прийти сюда сознательно, поставив себе такую цель, я не могу. Не могу, приняв решение, отправиться к этому месту пешком и попасть туда; это можно сделать только случайно. Если я сильно расстроена и просто брожу, без всякого плана в голове, то обычно оказываюсь здесь. Это рефлекс, что-то вроде подергивания ноги, если стукнуть молоточком по коленке.

Почему я расстроилась? Мои мысли устремляются в направлении, которое им нельзя принимать, и ускользают.

Я наклоняюсь вперед с вытянутыми руками, зависаю над миром, который исчезает впереди и снизу, прямо как в кадре из «Титаника», и закрываю глаза. Могу ли я потерять равновесие, упасть вперед и вниз — рухнуть с холма, вывалиться отсюда?

Может быть, если усну. Никто не может контролировать, где я хожу во сне — даже я сама. Меня охватывает дрожь, мысли поневоле устремляются к прошлой ночи. К... к... к чему? Что бы это ни было, оно пропало, исчезло из моего сознания. Мною вновь овладевает спокойствие.

Не в силах остановить себя, я поднимаю правую ногу и делаю шаг вперед. Но, открыв глаза, вижу то же самое, что и всегда: я повернулась и иду в другую сторону, удаляюсь от края. Я вздыхаю и прислоняюсь к дереву.

Под ногами тянутся выступившие из земли голые, переплетенные корни. Если нога зацепится за корень вот здесь, споткнусь ли, упаду ли? Но нет, слишком поздно: я уже подумала об этом. Невозможно перехитрить ноги, направить их в ловушку, уже приготовленную мысленно.

Может быть, в следующий раз.

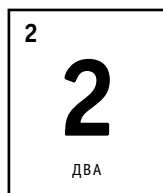
В глубине сознания я слышу зов.

Лара, возвращайся.

Еще один рефлекс. Он гонит меня назад, заставляет бежать обратно тем же путем, которым я пришла, бежать с четким осознанием направления и цели.

Послушание.

Такое, какое называют слепым.

ШЭЙ

Самолет снова кренится, и я сжимаю подлокотники сиденья. Елена — она сидит впереди меня — перепугана до смерти; Беатрис рядом с ней совершенно спокойна. Может быть, когда тебе восемь лет, ты и впрямь ничего не боишься. Но обычно человек спокоен тогда, когда не понимает, что с ним может случиться что-то непоправимое, или что вообще означает смерть. О ней, однако, ничего такого сказать нельзя, верно? На глазах у Беатрис вся ее семья, все родные, как и многие, многие другие, умерли от эпидемии. Выжившие, как мы, тоже умирали вокруг нее во время пожара, устроенного отрядом «Стражей», охотников за выжившими. Беатрис знает, что такое смерть, как она выглядит и каково оно — наблюдать, как дорогие тебе люди гибнут в страшных муках, и, прикоснувшись к ним после смерти, переживать их последние, предсмертные муки. Может быть, после всего этого полет на самолете в грозу кажется пустяком.

Чемберлен тоже летит с нами и расположился наполовину на соседнем сиденье, наполовину у меня на коленях. Кончик хвоста чуть заметно дергается, как будто он раздражен, но считает ниже своего кошачьего достоинства проявлять эмоции из-за подобной мелочи. Он держится, вонзив когти передних лап в мои джинсы, и время от времени царапает ногу, когда самолет проваливается в воздушную яму или кренится набок — кошачья боевая стойка? Я поглаживаю кота, успокаивая не только его, но и себя, и пытаюсь сосредоточиться на том, что происходит здесь и сейчас: на своем страхе, на теплом весе Чемберлена, на его острых когтях. Но этого совсем недостаточно, чтобы отвлечь меня от душевных мук и страданий.

Кай закрылся. Отвернулся от меня и ушел.

Чувство такое, будто сама моя сущность истекает, медленно и болезненно, капля за каплей.

«Держитесь, все, через минуту прорвемся», — Алекс транслирует свою мысль в наше сознание со своего места за пультом управления — самолетом управляет он.

Алекс, то есть Ксандер — именно под этим именем он известен всем здесь. *Мой отец*. Впрочем, отцом мне он никогда не был. Справедливости ради следует признать, такой возможности ему и не представилось, поскольку мама ушла, не поставив его в известность о моем скором появлении на свет. Но теперь он знает, что я его дочь, и от этой

мысли мне становится не по себе. Мама не хотела, чтобы он знал, так ведь? А теперь ее больше нет, и я даже не могу спросить почему.

Ксандер не боится, по крайней мере, виду не подает. Как и все его последователи, которые летят с нами на этом самолете — они спокойны, безмятежны, невозмутимы, — и я понимаю, что Ксандер больше успокаивал Беатрис, Елену и меня, чем всех остальных. Они всецело доверяют ему.

Кто вообще эти люди? Все они члены Мультиверсума; это что-то вроде культа поклонения истине, как сказала Иона. Судя по всему, они и Ксандеру поклоняются. Тот день, когда Иона читала про них в газете в школьном автобусе, кажется таким невозможно далеким, и воспоминания о том дне, одном из наших последних обычных дней, наполняют меня тоской по дорогой подруге. Моя лучшая подруга, как она там? Все ли у нее хорошо? Что бы она сказала о Ксандере? Надеюсь, ей никогда не представится возможности узнать.

Вскоре после слов Ксандера траектория полета выравнивается, как будто он управляет не только самолетом, но и небом, и погодой. Самолет идет плавно, ощущение опасности уходит, но когти Чемберлен не убирает, а волнение у меня в душе не стихает. Я смотрю в иллюминатор и поднимаю защитные барьеры — не хочу, чтобы какие-нибудь заблудшие мысли стали известны тем, кто меня окружает. Силуюсь сдержать подступающие слезы,

но одна капелька все же скатывается по щеке, и я быстро смахиваю ее.

Кай, как ты мог отгородиться от меня?

Я согласилась поехать с Ксандером, только чтобы попытаться найти сестру Кая, Келли, но слушать мои объяснения Кай не пожелал. Он увидел лишь то, что я уезжаю с его бывшим отчимом, которого он ненавидит, и услышал лишь то, что Ксандер вдобавок еще и мой отец, о чем я ему не сказала. Знаю, что должна была сказать давным-давно, но никак не могла заставить себя произнести нужные слова. Сначала потому, что на него и без того много всего навалилось, а потом, чем дальше откладывала, тем труднее становилось объяснить, почему не сказала раньше. В результате правда все равно вышла наружу, но оттого, как это случилось — именно Ксандер и выложил ее Каю, — легче никому не стало.

А еще он не поверил, что все это время с нами был не призрак Келли, а Дженна, выдававшая себя за нее. Что на самом деле это Дженна погибла при взрыве бомбы, что Дженна пожертвовала собой, чтобы спасти меня. И теперь новая боль сжимает мне сердце. Мы через столькое прошли вместе, и вот из-за меня ее больше нет.

И вот, во что это все укладывается: сестра Кая, Келли, реальная девочка, возможно, жива и сейчас, и только Ксандер может привести меня к ней.

Самое плохое то, что Кай не поверил в меня. Ксандер сказал, что знает, как это тяжело — быть другим,